

·thebigbook·

КНИГИ ИОАВА БЛУМА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

ТВОРЦЫ СОВПАДЕНИЙ

РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ
НА БЛИЖАЙШИЕ ДНИ

Я ВСЕГДА ОСТАЮСЬ СОБОЙ

ЙОАВ БЛУМ

Я
ВСЕГДА
ОСТАЮСЬ
СОБОЙ

Санкт-Петербург

Она с глубоким вздохом посмотрела на стакан воды, который держала в руке. Окно было открыто, заходящее солнце освещало ее со спины, высвечивая правое плечо.

Я посмотрел на нее и снова задался вопросом, можно ли верить ее рассказу.

Она дрожала, а может, мне только так казалось. Но что-то вдруг изменилось в воздухе. Она подняла взгляд, и я увидел, что в ее глазах появилось что-то, чего там не было мгновение назад. Решимость, нетерпение, даже паника.

— Дан? — спросила она.

Даже голос ее теперь звучал иначе. Так произносят твое имя, когда хотят сказать что-нибудь очень важное. Или когда в приступе амнезии забывают, кто ты. Я сделал ставку на первый вариант.

Она резко придвинулась ко мне — и теперь вся оказалась в закатных лучах. И только когда ее тело ударилось об пол, я понял, что звук, который раздался за полсекунды до того, был щелчком выстрела.

Я лихорадочно переводил взгляд между окном и полом. Что, черт побери?..

Она лежала на полу с раной на затылке, откуда струйкой стекала кровь. Такое ведь никогда не происходит с нормальными людьми. Что, неужели снова?

Я спешно осмотрел дом напротив, окно за окном. Тут висит белье, там кондиционер, тут снова белье, здесь не хватает планки жалюзи, тут на стекле — наклейка со Снупи. А вот — он.

Черная рубашка, волосы с проседью, мощный подбородок — и нечто похожее на длинную снайперскую винтовку с прицелом. Наши взгляды встретились на мгновение, и тут его лицо снова скрылось за прицелом. Напуганный ребенок во мне остался было стоять, чтобы узнать, что тут, черт возьми, происходит, но через тысячную долю секунды ответственный взрослый велел телу броситься на пол.

Я рухнул на пол и, судорожно переводя дух, услышал, как надо мной пролетают две пули и попадают в стенку. Я дышал тяжело, почти задохнулся. Оказывается, не такой уж я смелый, когда в меня стреляют. Что ж, каждый день можно узнать о себе что-нибудь новое. Прямо передо мной неподвижно лежала ее нога. Еще минуту назад то, что она рассказывала, казалось мне ерундой. Теперь стало очевидно, что дело обстояло еще хуже, чем она себе представляла.

Стрельба прекратилась. Снайпер то ли ушел, то ли затаился и ждет, пока я встану.

Я медленно отполз в сторону, лихорадочно дыша, как старый невротик. Наверное, от страха я несколько раз вскрикнул — вместо выдоха. Не судите строго. Вы не видели любимую женщину (ну хорошо, любимую в прошлом... или не любимую... скажем так: она вам до-

статочно нравилась, чтобы начать встречаться и строить планы, но тут вдруг раз — и все рухнуло к чертовой матери) с пулей в затылке.

Почувствовав себя на безопасном расстоянии, я медленно приподнял голову и стал искать окно, из которого стрелял снайпер.

Снайпера там уже не было. Винтовка все еще лежала на подоконнике, но сам он исчез. У меня промелькнула мысль, что я отполз недостаточно далеко, раз могу видеть винтовку, но я не дал этой мысли ходу.

И снова лег на пол.

Уже три недели я не убирал квартиру — мимо моего лица прокатился комок пыли и волос, словно перекати-поле на пустынных улицах городов-призраков Дикого Запада за секунду до дуэли. Странно, что я об этом подумал в такой-то момент.

Я перевернулся на спину и глубоко вздохнул. И еще раз. И еще.

И последний раз.

Руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Оказывается, я в гневе.

Сукин сын. Я этого так не оставлю.

Я вскочил на ноги.

Кабинет, верхняя полка, синий ящик с документами. Там лежали пистолет и два магазина. Я не для того хожу в тир четыре раза в год, чтобы просто лежать на полу, как слизняк, когда в меня стреляют. У трúсов тоже иногда оказывается при себе пистолет. Если подумать — как раз именно у трúсов.

Дом напротив я хорошо знаю. Там два входа. Парадный — с улицы и черный — со стоянки.

Лестница. Каждый шаг — три ступеньки.

Ответственный взрослый заикнулся было, что надо позвонить в полицию, но пока дозвонишься туда — он смоеется. Тот седой черт не подозревает, что я могу побежать за ним. Он уверен, что дело сделано, и ему просто нужно исчезнуть, пока полиция не приехала. Не выйдет. Я поймаю его на стоянке.

Тяжело дыша, я бросился на улицу. Теперь я задыхаюсь, даже когда бегу вниз, не только когда поднимаюсь. Ох.

Правой рукой я крепко сжимал пистолет. Так крепко, как будто готов был его раздавить, и у меня мелькнула мысль — непростительно так отвлекаться от дела мести, — смогу ли я когда-нибудь выпустить пистолет из руки. Я побежал на стоянку. Ладони вспотели, и гнев, гнев бурлил во мне, в глубине живота. Она едва ступила на порог, а ты тут как тут, застрелил ее...

Добежав до стоянки, я перешел на шаг.

Он все еще здесь? Или я упустил его?

Нет, нет. Не упустил. Вот он. В синей «субару», которая ехала прямо на меня.

Я встал на изготовку — или как там это называется. Когда стоишь, широко расставив ноги, руки с зажатым в них пистолетом вытянуты вперед, ноздри раздуваются, губы вытягиваются в нитку, а глаза превращаются в прицелы. Седой черт ехал мне навстречу, крепко держа руль и не отрывая взгляда от меня.

Он прибавил скорости и задал машине такую траекторию, что, если бы ее нарисовали на асфальте, линия прошла бы точно между моих ног. Он не собирался проезжать подо мной, естественно.

В голове у меня забегали миллионы гномиков с калькуляторами, они лихорадочно барабанили по кнопкам. Скорость, время, расстояние, скорость, время, расстояние. Он меня собьет. Не успеешь. Будь реалистом: сейчас, полный адреналина, ты едва ли попадешь точно в цель. Быстрый расчет, и я понял, что делать. Ответственный взрослый снова стал распоряжаться, и я повалился на асфальт. Вскрикнул от боли — и увидел, как «субару» промчалась мимо меня.

Это не конец.

Я вскочил на ноги, провожая ее взглядом. Снова встал на изготовку: вытянуть руки вперед, дышать как следует, надавить на спусковой крючок, не нажимать, медленно давить, смотреть туда же, куда направлен ствол, целиться по колесам.

Выстрел. Второй. Третий.

Вдох.

Четвертый.

Я вгляделся: попал или нет?

С одной стороны, точно нет. Скорее всего, не попал даже близко.

С другой стороны, «субару» все набирала и набирала скорость, заехала на тротуар и вцепилась в стену, с грохотом, который сотряс все здание. И взорвалась.

Тут я вижу и свою заслугу. Скажем так: мои пули вывели водителя из себя.

Но вообще-то, я начал рассказывать всю эту историю совсем не с того.

Попробуем еще раз.

2

В том, чем я сейчас занимаюсь, мало что так согревает душу, как махровая безвкусица, с которой обставлена гостиная в этом тщательно отделанном доме. Отделанном чудовищно, но зато старательно.

Лично я равнодушен, например, к рычащим головам мертвых леопардов на стенах, но в этой любви богачей к чучелам содержится некая истина: с большой долей вероятности привычка сорить деньгами и изощренный расчет идут рука об руку.

Другим — столь же точным — свидетельством тому может быть экспрессионистская живопись. Разумеется, оригиналы, мы же не опустимся до меньшего, — на достаточно видном месте, чтобы все сказать о хозяине дома (если вкратце: «Здесь живет человек, который может позволить себе эту картину. А ты? Ты можешь? Так я и думал»).

А третьим — огромный рояль, продавливающий ковер: его крышку никогда еще не поднимали. Хозяин дома даже не умеет играть. Может быть, на ближайшей вечеринке он попросит поиграть кого-нибудь из гостей.

В доме Далии Бар-Фехтман были все три свидетельства. Были, к счастью, и другие.

По сторонам от меня на стенах висели: справа — голова уссурийского тигра, которому один раз крупно не повезло (но воинственности он не растерял), а слева — голова лося с огромными рогами и трогательным взглядом, который выглядел так, будто хотел забраться в постель, накрыться одеялом и читать «Ешь, борись, спаривайся»¹.

У двери, в самом темном месте, висел Кандинский — оригинал, конечно. (Я о картине. Сам Кандинский похоронен во Франции. Если бы он висел тут в гостиной, никакое предложение работы не задержало бы меня.)

И разумеется, у огромного окна, там, где акустика хуже всего, стоял невероятных размеров белый рояль с золотой — да, золотой — окантовкой.

Еще вышитые подушки, белая печь (сжигать дрова, а вы что подумали?), кофейный столик — целиком из хрусталя, который буквально вопиет: «Давай, давай сшиби меня. Я такой прозрачный, что мои контуры заметить невозможно. Упади и сломай меня. Ну, или, на худой конец, сломай об меня мизинец на ноге». Вот все, что вам нужно знать о финансовом положении мадам Бар-Фехтман, и то, что она хочет, чтобы вы о нем думали.

Предыдущая версия Далии Бар-Фехтман, Далия Гева, была моделью с очень небольшим словарным запасом и привычкой постоянно попадать в дурацкие ситуации, что сделало ее любимой мишенью папарацци. Переход от первого образа ко второму происходил

¹ Аллюзия на книгу Э. Гилберт «Ешь, молись, люби». — *Примеч. перев.*

постепенно, путь пролегал через три замужества. Все трое избранников обладали глубокими карманами и слабостью к импульсивным блондинкам. Разумеется, никого из своих мужей Бар-Фехтман не убивала. Не приведи господь обвинить ее в чем бы то ни было подобном. Она просто виртуозно использовала две свои основные способности: способность быстро нравиться состоятельным мужчинам и еще быстрее надоедать им.

Три развода, семь инвестиций в недвижимость — и Бар-Фехтман доказала всем, кто сомневался в ней прежде, что даже если ты не окончила школу, забеременела в шестнадцать и сделала аборт, если тебя уволили с четырех мест работы, а юный ревнивец развесил твои фотографии в неглиже на каждом столбе в районе, то нужен всего один звонок от скользкого агента модельного бизнеса, который увидел эти фотографии, — и дело в шляпе. Если ты правильно распорядишься картами, которые тебе сдали, у тебя будет собственный дом, самый дорогой в радиусе четырехсот километров.

Бар-Фехтман была занятым человеком.

Теперь, когда она достигла своей основной цели — доказать всем, что она не хуже других, и разбогатеть, несмотря ни на что, — она наконец могла предаться занятиям, в которые с увлечением погружаются богатые люди, чтобы отвлечься от своей тяжелой работы (может, цель все-таки была неверно выбрана?). Общественные мероприятия, благотворительность, поездки на горнолыжные курорты, участие в политике и покровительство многообещающим малоизвестным художникам. Многие обещания, которые никогда не будут сдержаны. Короче говоря, гонка достижений на новом уровне.

— Как, вам ничего не предложили выпить? — Бар-Фехтман вошла в комнату стремительной походкой, стуча каблуками по полу. Она была высокая и загорелая, ее белое платье — не обтягивающее и не слишком просторное — великолепно сидело на ней, какую бы позу она ни приняла.

— Не страшно, — ответил я, — мне ничего не нужно.

Она посмотрела на меня поверх своих огромных солнечных очков, потом приподняла подбородок и сдержала с рук белые перчатки.

— Эдди! — крикнула она. — Принеси, пожалуйста, две чашки чая с ромашкой.

Она положила перчатки на подлокотник дивана и села.

— Сколько сахара? — спросила она.

— Два.

— Темного или белого?

— Обычного. Спасибо.

— А покрепче?

— Что — покрепче?

— Добавить алкоголя на ваш выбор?

— Нет, спасибо. Мне нельзя терять концентрацию.

— Два пакетика сахара для господина!.. — Она крикнула в коридор и снова повернулась ко мне. — Простите, как вас зовут?

— Арбель, — ответил я.

— Да-да, точно, — сказала она. — Дан Арбель. Знаменитый курьер. — И прокричала в коридор: — Для господина Арбея! Итак, вы пришли, чтобы поговорить о доставке груза.

— Да, госпожа.

— Называйте меня просто Далия.

— Да, Даля.

— Знаете, — пальцы ее рук симметрично задвигались в такт словам, — я ищу не просто курьера. У меня несколько очень ценных отправлений, в том числе ценных лично для меня, и мне нужно быть уверенной, что с ними будут обращаться крайне бережно и аккуратно.

Ну понятно, как обычно. У всех у вас страшно важные посылки, и к ним всегда нужен индивидуальный подход. Я знаю. Потому и работаю не почтальоном, а курьером по особым поручениям. Для этого я напечатал себе визитки с хитрым заковыристым шрифтом, сделал сайт и все такое.

— Я серьезно отношусь к своей работе, — сказал я. — И мой огромный опыт доказывает это.

— И вы дорого берете за свои услуги, как я слышала.

Но ведь вам именно это и нужно. Чтобы было подороже. Это дает вам ощущение, что вы покупаете особую услугу. То, что стоит денег, заслуживает этих денег, говорите вы. Но ведь это и для меня так же, разве нет?

Я улыбнулся, раскрыл сумку, которая лежала передо мной на полу, и начал свою привычную церемонию — показ документов.

— Разрешение от министерства транспорта, разрешение от министерства экономики, справка об отсутствии судимости, личная курьерская лицензия.

Следующая пачка документов: рекомендации от министерства обороны, снова — от министерства экономики, от руководства алмазной биржи, три рекомендательных письма из разных больниц, два — из

разных отделов НАСА, личные рекомендации от профессора Эльякима Софтмана, от Михаила Топотаева, Доны Вудс, Альфонсо Пана.

И еще одна — похвальные отзывы. От ядерного агентства в Колорадо, от французского министерства экологии, от...

— Да-да, я поняла, — перебила она. — Можете больше не показывать документов.

— Ни разу не было такого, чтобы я потерял посылку, — сказал я. — И ни разу не опоздал. Никогда не оставлял посылку без присмотра.

Она сложила руки в замок (до чего длинные пальцы!) и несколько секунд на меня смотрела. Красивые глаза, слегка затуманившийся взгляд, который видит тебя насквозь — и в то же время вызывает желание защищать эту женщину. Теперь понятно, что находили в ней бывшие мужья.

— Пять посылок. Картонные коробочки размером десять на десять на пять, весом примерно по полкило. Раз в два месяца. Три нужно доставить из Монако, две — из Британии. Они должны быть всегда с вами, а если во время маршрута решите обменяться с кем-то — то только с тем, кто был рядом. Доставить мне посылки должны лично вы. Кроме того, иногда я буду просить вас отвозить одежду, украшения и некоторые вещи для моих тел за границей. Это не так секретно, но все равно важно для меня лично.

— Страховка?

— За ваш счет.

— Пошлины?

— Сделайте так, чтобы их не было.

— А если придется?

— Пусть не придется.

Я достал из сумки листок бумаги и ручку. Написал сумму, сложил листок и положил на стол между нами.

Далия Бар-Фехтман нагнулась и взяла сложенный листок. За ее спиной в комнату вошел то ли помощник, то ли дворецкий — высокий, с усами, сама выдержка, лицо вещает в спектре частот между снобистской заносчивостью и стыдливым осознанием своего подневольного статуса. Обожаю таких. Если бы презрение было излучением, то на волнах, излучаемых «личными помощниками» в сторону гостей, можно было бы готовить попкорн. На маленьком посеребренном подносе он принес две чашки, поставил их перед Бар-Фехтман и передо мной, держа их за ручки большим и указательным пальцами, прямыми, как линейка.

Бар-Фехтман заглянула в листочек, снова сложила его и положила обратно на стол.

— Нет, — сказала она и резко встала. — Спасибо, что пришли, господин Арбель. Пожалуйста, допивайте чай — и уходите.

Я поднес чашку ко рту и отпил маленький глоток.

Интересно. Я не так представлял себе наш разговор, когда пришел сюда.

— Что вас не устраивает в цене? — спросил я.

Она подняла уголок губ в холодной улыбке:

— Вы спрашиваете, как будто мы все еще ведем переговоры.

— Разве нет?

— Нет. Я приняла решение.

Я в ней ошибся. Она умная, не манипулятор. Проницательная, а не просто везучая. Деньги могут осле-

пить и тех, кто на них смотрит, а не только тех, у кого они есть.

— Если так, то позвольте продемонстрировать вам, почему я беру так дорого, чтобы в следующий раз не пришлось ничего показывать.

— Вы исходите из предположения, что следующий раз наступит? — сказала она.

Но не сдвинулась с места.

— Можно попросить у вас браслет? — спросил я, оголяя запястье. — Свой я забыл дома.

— Лучше езжайте отсюда на такси, как и приехали.

— Нет-нет. Я просто хочу кое-что показать.

— Что показать?

Я повернулся к хладнокровному дворецкому:

— Ты не против, если мы поменяемся на пару минут? Я хочу кое-что показать госпоже Бар-Фехтман.

Конечно против. Меняться с таким простолудином, как я? Он приподнял одну бровь и посмотрел на свою работодательницу.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Бар-Фехтман.

— Просто поменяться, а через минуту — поменяться обратно.

— И все?

— Да.

— Что это вам даст?

— Сейчас увидите.

Она кивнула дворецкому:

— Эдди.

Он молча развернулся и подошел к комоду в углу комнаты — за неимением лучшего слова назовем его

викторианским. А где-то, наверное, сидит мастер и до сих пор считает купюры, которые ему заплатили за этого монстра, и из глаз его текут слезы счастья.

Эдди открыл один из ящичков и достал оттуда браслет. Тихо подошел и протянул его мне.

— Ты согласен, Эдди, ведь правда? — спросил я.

Он кивнул.

Я надел браслет на запястье левой руки.

— Можешь дать мне свой код? — спросил я у Эдди.

Он достал из внутреннего кармана листок бумаги и ручку и накорябал номер.

— А не разговариваешь ты из принципа, что ли?

— Три года назад Эдди принял обет молчания, — ответила Далия Бар-Фехтман.

— Путешествие на Восток, внезапное просветление?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Он не сказал. Просто замолчал — и все.

Под ее внимательным взглядом я ввел код.

И потом спросил:

— Готовы?

— Да, — ответила она.

— Ты принял мой запрос? — спросил я у Эдди.

— Да, он принял, — ответила она вместо него.

— Тогда поехали, — сказал я и нажал на кнопку.

Браслет на запястье Эдди стал пикать.

— О, здорово. У тебя модель со звуком, — сказал я. — Какого она года выпуска?

Бар-Фехтман переводила взгляд с меня на него и обратно, не понимая, что к чему.

— Вы где? — спросила она.